

94.58 (2 РОС-ЧИРК)

A 51

Восточно-Сибирская издательская компания
Иркутск 2003

Г. Кузнецов

БАЙКАЛЬСКАЯ СУДЬБА КОЖОВЫХ

На свете не бывает случайностей; всё в мире было и будет всегда цепью неизбежных сочетаний, которые можно постигнуть лишь с помощью науки...

Жак Казот, французский писатель

Наука является коллективным творчеством и не может быть ничем иным: она как монументальное сооружение, строить которое нужно века, и где каждый должен принести камень, а этот камень часто стоит ему целой жизни.

*Жюль Анри Пуанкаре,
французский математик и философ*

Конечно, это вовсе не случайность, что крестьянский сын Михаил Кожов из ленской глубинки в возрасте тридцати лет, имея за плечами два класса сельского училища и краткосрочные офицерские курсы, сумел пробиться в Иркутск сквозь революционные катаклизмы, чтобы стать студентом университета, потом доктором наук, профессором, заслуженным деятелем науки РСФСР. Чтобы положить начало династии байкаловедов. Чтобы защитить природное чудо планеты от его превращения в заурядный «индустриальный» водоём великой державы.

Журналисты не раз сравнивали Михаила Михайловича Кожова с Ломоносовым. В их биографиях действительно есть схожие моменты: тяга к знаниям, утверждение себя в науке и науки в России.

ОТЕЦ

Родился Михаил Михайлович Кожов в селе Тутура на Лене, в большой крестьянской семье, которая если и выделялась чем-то из общей

М.М. Кожов
родился
в селе
Тутура на Лене.

ALMA MATER Иркутский Классический...

массы односельчан, так в первую очередь повышенной грамотностью и тягой к знаниям. Условия в деревне для всех равны: есть сельское двухклассное училище, через которое проходит большинство детей. При нём — библиотека, по сохранившимся свидетельствам, вполне приличная. Отец, его братья и сёстры (всего их было семеро) библиотекой пользовались активно, совершенствовались в знаниях сами. Поэтому в дополнение к традиционному хлебопашеству, охоте и извозу в семье Кожовых были ещё и приказчики. А отец будущего байкаловеда, Михаил Елиферович, как самый грамотный селянин, был приглашён в соседнее село Знаменку на службу писаря в волостном правлении. Туда и переехала его семья в 1897 году...

Говорят, что стыки веков не проходят без потрясений. Наверное, это правда. Из биографического очерка А. Собенникова «Профессор М.М. Кожов» известно, насколько бурно завертела, закрутила жизнь любознательного мальчишку, юношу, мужчину, испытывая его на прочность. В десять лет Михаил остался без отца, в двенадцать — был вынужден наняться батраком, но недолго. Благодаря высокой грамотности он стал разносчиком пакетов в волостном правлении, потом писарем, а по совместительству — заведующим библиотекой. Благодаря этой должности он и умудрился овладеть знаниями настолько, что в 1913 году при Верхоленском городском училище сдал экстерном экзамен на звание народного учителя. Учительствовал в родной Тутуре, но опять недолго, потому что началась Первая мировая. Призыв, краткосрочные офицерские курсы, прапорщик, подпоручик 27-го сибирского стрелкового полка, командир роты, полковой адъютант, заведующий полковой школой грамоты.

К 1918 году русская армия окончательно развалилась и Михаил отправился домой, в «спокойную» Сибирь. Поезда ходили очень плохо. Добирался долго. А тут вместо спокойствия — Колчак. Вместо учёбы — мобилизация в непонятную армию.

И завертелось: короткая служба в запасных полках, а уже в 1919 году перед выступлением полка на фронт — дезертирство, потому что воевать с земляками Кожов не собирался: не может русский стрелять в русского. Не вполне удачная попытка спрятаться от Колчака и новая мобилизация, уже в Красноярском крае. Восстание полка. Белые. Красные. Офицер, учитель, школьный инструктор... И наконец в 1921 году, на тридцать первом году жизни сбылась мечта: Михаил Кожов становится студентом биологического отделения физико-математического факультета Иркутского государственного университета. И это, напомню, при том, что формального образования за его плечами всего-то — сельское двухлетнее училище да краткосрочные курсы младших офицеров. Все остальные знания получены самостоятельно. Когда, где, как успевал он учиться, никто, кроме него самого, пожалуй, и

В 1921 году
Михаил Кожов
становится
студентом
биологического
отделения
ИГУ.

М.М. Кожов
был
колossalно
работоспособен.

не знает, но база знаний оказалась обширной и очень крепкой. Иначе не смог бы он так скоро завоевать авторитет не только у студентов, но и у преподавателей. И ни при каких обстоятельствах не смог бы он ещё в студенчестве написать свою первую научную работу по фауне пресноводных губок, которая, по отзыву профессора Б. Сварчевского, «...не только должна быть признана как кандидатская работа студента, кончающего педфакультет, но которая необходимо должна быть напечатана, как «очерк», заполняющий хоть часть пробела, существующего в научной литературе, касающейся изучения Иркутской губернии и Прибайкалья».

К большому сожалению, я ни разу не встречался с Михаилом Михайловичем Кожовым. Знаю его только по литературе да по рассказам друзей и знакомых.

Борис Карпович Павлов, доктор биологических наук, был близок с Михаилом Михайловичем последние десять лет его жизни. Спрашиваю его, как это возможно, чтобы человек, не получивший в молодости систематического образования, в считанные годы превратился в известнейшего (не только у нас, но и за границей) байкаловеда.

— Колossalная работоспособность, — не задумываясь ответил Борис Карпович. Не задумываясь, потому что я, похоже, лишь повторил вопрос, который он и сам себе задавал не раз и много думал в поисках ответа.

— Работоспособность я определяю не количеством времени, проведённого учёным за микроскопом, а умением быстро соображать, систематизировать и анализировать множество фактов. Я видел, как работает Михаил Михайлович, и сейчас, не в обиду коллегам будь сказано, таких работоспособных уже не вижу. Чаще встречаются две крайности. Одни на основании каких-то случайных, обрывочных сведений и наблюдений строят пустые теории. О них говорить вообще не стоит. Другие, напротив, годами скрупулёзно собирают факты, закапываются, тонут в них, не в силах систематизировать и отбросить лишние, не относящиеся к изучаемой проблеме. Этих бывает жалко: внешней, видимой работы много, а результатов, выводов, научного продукта — крохи.

Михаил Михайлович всё делал очень быстро. Материал в экспедициях он собирал целенаправленно и лишнего не брал. Случайно сталкиваясь с неизученными, неожиданными фактами, отмечал их для будущих таких же целенаправленных экспедиций. В каждый конкретный момент он изучал конкретную тему. Процесс переваривания в его голове шёл очень быстро, поэтому и научные труды следовали один за другим. Он умел сразу зацепить и вытащить главное. Это у него от природы. Это, наверное, и есть то самое, что называется талантом. А самое главное, все выводы его верны. Даже сейчас, в свете новых знаний и возможностей, которые дают новые технологии, ме-

Процесс
переваривания
в его голове шёл
очень быстро —
научные труды
следовали один
за другим.

тодики, приборы, заключения Михаила Михайловича не требуют пересмотра и уточнений. Даже Глеб Юрьевич Верещагин не раз сам себя опровергал. И Герберт Генрихович Мартинсон уточнял, пересматривал свои взгляды на эволюцию Байкала. Для учёного это нормально и естественно. Но Кожов... Сейчас читаю его работы — всё точно. Как было написано, так всё и есть. Это особый, удивительный дар не делать ошибочных выводов. Если Бог есть, то этот дар от Бога. И Ольге Михайловне он передался через отца.

Ольга Михайловна — дочь М.М. Кожова. Человек тоже удивительный, неординарный. Но о ней позже.

И Борис Карпович Павлов, и другие мои собеседники считают, что не случайно Михаил Михайлович с его неординарным умом и характером появился на Байкале в самый нужный и самый острый момент. Достаточный вес и авторитет учёного, позволяющий ему высказывать личную точку зрения, отличную от мнения высших государственных и даже партийных чиновников, Кожов набрал именно к тому времени, когда неумные головы готовили массированную индустриальную атаку на Байкал. Незаживаемыми шрамами той атаки остались Иркутская ГЭС, Байкальский ЦБК и Селенгинский ЦКК. Атаку не удалось отбить без потерь, но сейчас, по прошествии лет, можно однозначно утверждать, что благодаря недюжинной смелости Кожова и его единомышленников Байкал отделался «лёгкими ранениями». Борис Карпович Павлов до сих пор удивляется, почему Кожова не посадили, когда на знаменитых в то время конференциях по развитию производительных сил Сибири он убеждал присутствующих членов Политбюро, что реализация задуманных строек не повысит мощь Советского Союза, а только породит серьёзные проблемы и потери, за которые державе будет стыдно перед мировым сообществом. Возможно, его спасли природный такт, умение спорить, не унижая достоинств оппонента. А главное, конечно, это неоспоримые аргументы, основанные на глубоких научных исследованиях.

Михаил Михайлович, по выражению Павлова, с флагом, чтоб показать себя, как делают это сегодняшние «зелёные», не маршировал. С шашкой наголо на танки не бросался. Не собирая подписи под своими письмами, чтоб поделить ответственность на многих. Не стану утверждать наверняка, но мне известно только об одном коллективном письме, в котором есть и его подпись. Но оно инициировано другими. А Кожов — стратег. Каждое письмо, каждое выступление он тщательно продумывал и подписывал своим именем, принимая тем самым полную ответственность на себя одного. «Всё или ничего» — не его девиз, потому что следование этому принципу чаще приводит к печальному результату «ничего». А для Байкала такой результат мог означать смертный приговор.

М.М. Кожов
обладал
особым,
удивительным
даром —
не делать
ошибочных
выводов.

Михаил
Михайлович
появился на
Байкале в самый
нужный и
самый острый
момент.

Университетские династии ALMA MATER

В пятидесятые годы на Байкале сформировалась целая плеяда умных, не «лозунговых» защитников озера.

Авторитет Кожова был велик.

С ним мечтали познакомиться и встретиться самые великие умы.

Важно, что Кожов был не один. В пятидесятые годы на Байкале сформировалась целая плеяда умных, не «лозунговых» защитников озера. Благодаря общим усилиям Иркутская ГЭС хоть и построена, но без той пресловутой «прорези» в истоке Ангары, которую «сочинил» в проекте главный инженер «Сектора Ангары» Московского отделения института «Гидроэнергопроект» Н. Григорович.

Напомню, что по той сумасбродной идее предполагалось методом направленного взрыва 30 000 тонн аммонита углубить дно Ангары на протяжении 10 километров от истока на целых 25 метров! При этом уровень Байкала, по проектным расчётам, должен был опуститься на пять метров. С докладом о своей идее Н. Григорович выступил в 1958 году на проходившей в Иркутске конференции по развитию производительных сил Восточной Сибири. Газета «Восточно-Сибирская правда» от 15 августа того года, рассказывая о ходе конференции, сообщила: «На вечернем заседании с серьёзными возражениями против проекта, выдвинутого Н.А. Григоровичем об улучшении гидроэнергетической характеристики реки Ангары путём сооружения прорези в её истоке, выступил доктор биологических наук, профессор М. Кожов и главный инженер строительства Иркутской ГЭС С. Моисеев». Кроме выступления, в котором обо всём рассказать невозможно, М.М. Кожов представил конференции в письменном виде собственные расчёты, убедительно доказывающие, что такая «прорезь» окажется для уникального озера смертельной раной. А через несколько дней подготовил специальную справку «О биологических последствиях предполагающегося изменения уровня вод Байкала в связи с гидростроительством на р. Ангаре» и направил её в Академию наук СССР, Госплан и другие заинтересованные организации. Неприятных слов в свой адрес от высоких московских чиновников он тогда выслушал немало. Но «прорези», слава богу, нет, и Байкал жив.

С БЦБК тоже всё очень и очень непросто. Он построен, но его очистные сооружения на момент пуска оказались не только самыми эффективными, но и едва ли не самыми дорогими в мире. Их стоимость сопоставима со стоимостью самого комбината. Как вы думаете, пошло бы государство на такие расходы, если бы не убедительные научные доказательства, что без такой мощной защиты комбинат просто погубит Байкал? Более того, защитники озера не допустили и традиционного «хода конём» апологетов стройки — досрочного пуска комбината по так называемой «временной схеме», то есть с недостроенными очистными сооружениями. Уверен, что если бы Кожов с единомышленниками не смог этого добиться, очистные сооружения и сегодня оставались бы недостроенными.

Авторитет Кожова был велик. По словам Б. Павлова, его бо́готворили не только студенты и аспиранты. Даже сложившиеся учёные,

уже имевшие широкую известность, относились к нему с каким-то особым почтением, хотя в общении он был предельно прост. Любой студент мог запросто прийти к нему в кабинет директора хоть в девять часов вечера. А он там часто засиживался и до десяти, и до одиннадцати.

О дружеских отношениях профессора и студентов рассказывали многие. Энгельсина Александровна Ербаева, которая сейчас работает заместителем директора Института биологии, вспоминала, как в её студенческую бытность, во время летней практики на биостанции в Больших Котах, к ним, студентам, вечерами приходил сам профессор, чтобы поговорить за кружкой чая о житъе-бытье, помечтать о будущем. И в это время он больше походил на заботливого отца, чем на строгого учителя. Иногда (и это студентов особенно радовало) он приносил с собой... балалайку. Такие вечера помнят сегодня и школьные учителя биологии, и преподаватели разных вузов, и доктора наук, байкаловеды. Не потому, что было очень весело, а потому, что именно в такие вечера, когда знаменитый профессор оказывался простым, обычновенным человеком, даже самые робкие студенты начинали верить в собственные силы, в то, что и они могут стать личностями.

А Прасковья Александровна Кардашевская и вовсе считает его своим вторым отцом. Она и сама человек необыкновенный: в июне 2003 года ей исполнилось 80 лет, из которых 64 года она проработала в Иркутском государственном университете лаборанткой на одной и той же кафедре зоологии беспозвоночных животных. 64 года! И тридцать из них под непосредственным руководством Михаила Михайловича Кожова. Она пришла к нему девчонкой: ей не было и шестнадцати. Объяснила, что большая семья, и он принял на работу.

— Я считаю, что есть Бог. Именно он привёл меня к Михаилу Михайловичу. Я довольна своей жизнью, и это он мне дал в неё путёвку. Всё, что я имею, я получила здесь. Он ведь сам из простой семьи, перенёс очень много трудностей, поэтому и людей понимал. Ему даже рассказывать не надо было, сам видел. Он ко всем людям относился с большим уважением. Бывало, зайдёт в институт, кепочку приподнимет, вахтёрам поклонится. К студентам на «вы». И уж если он попросит кого-нибудь сделать что-то, стараешься угодить, сделать всё возможное. У меня не было даже среднего образования, и он мне всё время говорил: «Ты, главное, читай. Много читай». Я получила много поучительного для себя. Эта кафедра для меня как дом. Дороже чем дом. Как я могу уйти? Понимаю, что возраст, что должна уйти, слов нет. Сейчас готовлю себя к этому. Но мне страшно... А Михаил Михайлович тоже не мог без кафедры. Он как из командировки возвращается, так прямо с самолёта в первую очередь сюда. Корреспонден-

О дружеских
отношениях
профессора
и студентов
рассказывают
многие.

М. Кожов
ко всем
относился
с большим
уважением.

цию просмотрит, расспросит обо всём и только потом идёт домой. Студенты его безумно любили, он всегда хотел, чтобы они работали сами. Не по подсказкам, а своей головой. А на экзаменах давал свободу и на лекциях заставлял думать. У него был свой, особый подход...

— В моём понимании, Михаил Михайлович — основательный сибирский мужик, которые раньше были, — рассуждает Б.К. Павлов. — Сильный, мощный, доброжелательный. Он никогда ни на кого не кричал, но всегда все вокруг него работали. Осеню в экспедициях тяжело. Однажды на катерах не было газа. Возили дрова для обогрева и для камбуза. В ноябре уже минус 20, а работать надо. Палубу захлестывает, а дрова почему-то всегда складывали на носу. Они обледенеют, а он утром раньше всех встанет, торпориком лёд с поленьев обобьёт, в камбузе печку разведёт. Посмотришь: обыкновенный таёжник. А с ним мечтали познакомиться и встретиться самые великие умы. Я в Свердловске в аспирантуре учился. Там познакомился со знаменитым, даже легендарным, генетиком Николаем Владимировичем Тимофеевым-Ресовским. Помните? Тот самый «Зубр», о котором Гринин писал. Так даже он, величина, узнав, что я знаком с Михаилом Михайловичем, попросил, чтобы я пригласил его на Байкал и познакомил с Кожовым. Он его труды ещё в Германии, при «железном занавесе» прочесть умудрился и с тех пор хотел познакомиться.

Маленький байкальский посёлок со смешным названием Большие Коты, благодаря М.М. Кожову, отлично знают многие «зубры». И не только от науки. Совсем не случайно профессор Кожов стал прототипом главного героя в фильме Герасимова «У озера». Сюда несколько раз приезжал и Твардовский. Они переписывались. Были в Котах многие наши писатели, художники, а с Лебединским они и вовсе были друзьями. Громкие научные имена вообще перечислять бессмысленно: их побывало здесь слишком много. Характерно, что всех этих «зубров», если появлялась такая возможность, Кожов старался познакомить со своими студентами. Энгельсина Александровна рассказывала, как он однажды их даже ночью поднял, чтоб они встретились с геологом-эволюционистом Ломакиным, чье имя тогда гремело. Ломакин причалил на катере всего лишь «на полчасика, чтобы поздороваться с Кожовым», которого давно не видел. А профессор не мог упустить возможность расширить кругозор своих студентов, и в результате до рассвета они прогуливались по берегу со знаменитостью, слушая его рассказы об эволюции Байкала.

ДОЧЬ

Каждое лето выезжал в Большие Коты Михаил Михайлович Кожов. И всегда, быть может, с дошкольного возраста, с ним рядом была дочка Оля. Самостоятельная и не капризная. Хлопот не доставляла, заниматься наукой никому не мешала. Смотрела, слушала. Иногда спрашивала. С интересом помогала студентам разбирать материал: сортировать поднятые со дна водоросли и всякую мелкую живность. Б.К. Павлов утверждает, что для того, чтобы стать биологом, необходим особый склад ума: «Вы же знаете, одному легко даётся математика, другой не понимает, как можно не любить историю, а третьему не надо ничего, кроме литературы. У Ольги Михайловны счастливо совпали детская увлечённость и склад ума. Она, как и отец, прирождённый биолог».

А Дина Борисовна Ходос-Астрахан говорит, что Ольга Михайловна ещё и прирождённый лидер. Они подруги, познакомились в конце зимы 1936 года еще в дошкольном возрасте, когда заселялся в то время хорошо известный иркутянам дом специалистов на улице Марата. Здесь получили квартиры многие профессора, художники, писатели, артисты, руководители железной дороги и каких-то других крупных предприятий. Если подбирать одно обобщающее определение, я бы назвал жильцов того дома интеллектуальной элитой Иркутска. Но ребяташки не знали, что они дети элиты. Вместе играли. Бывало, ссорились и не интересовались, чем занимаются их родители. Оля Кожова, скорее всего, ничего не знала об общесоюзном авторитете доктора Ходоса, Дининого отца. И для Дины Михаил Михайлович был вовсе не знаменитым байкаловедом, а только Олинным папой, главное достоинство которого, по её оценке, умение одинаково хорошо играть и на гитаре, и на аккордеоне, и на пианино. Когда Дина немного подросла и узнала, что профессор никогда не учился в музыкальной школе, то ещё больше удивилась и сильнее его зауважала. Улыбаясь, рассказывает: «А вот Ольга в музыкальной школе училась, но по окончании так, пожалуй, ни разу и не села за фортепиано».

— В школьные годы Ольга никогда нами не командовала, — рассказывает Дина Борисовна, — не приказывала, не требовала, не диктовала, когда в какие игры нам играть. Но так уж получалось, что прежде чем пойти гулять после школы, многие посматривали в окно и ждали, когда выйдет Ольга. К этому даже родители привыкли. Скажет кто-нибудь: «Мам, я пойду погулять». А мать выглядит в окно и сообщает: «Ольга ещё не выш-

Если О. Кожова
что-нибудь
пообещала, она
сделает это во
что бы то ни
стало.

ла». Зато когда появлялась она, даже уроки можно было бросить недоученными. Двор быстро заполнялся детворой. Играли в лапту, в выжигало. Зимой катались на санках и лыжах с огромной угольной кучей во дворе. Во время войны появилась игра в войну.

В том возрасте ещё мало кто из них понимал, что такое пунктуальность, что значило выражение «хозяин слова». Но все чётко знали, что, если Ольга что-нибудь пообещала, она сделает это во что бы то ни стало.

— Однажды летом мы с одноклассниками пошли в кино, — вспоминает Д. Ходос-Астрахан. — А Оля очень любила мороженое. Прогодим мимо лотка. Она и говорит: «Сейчас бы десять порций съела». А порции большие были, брикетами. Один мальчишка и зацепился: «Ни за что не съешь». — «Съем!» Поспорили. Ни на что-то, а просто так. Сели на скамейку. Он покупает, она ест. И съела! Я и не сомневалась, что так будет, только боялась, что она заболеет.

После смерти отца Ольга Михайловна заменила его на должностях заведующего кафедрой и директора Института биологии при Иркутском государственном университете. Не по наследству, конечно, и не по блату, а потому, что победила в официальном конкурсе на замещение вакантных должностей. Блата она не терпела в принципе. Студенты-биологи, поступающие в аспирантуру, в том числе и её однокурсники, мечтали иметь своим наставником Михаила Михайловича Кожова, а Ольга Михайловна защищала кандидатскую диссертацию в Лимнологическом институте. И работать осталась там же. В служебное подчинение к отцу не пошла, чтоб не появились очень распространённые в то время обвинения в семейственности, чтобы доказать всем, и в первую очередь себе, что она тоже личность и может работать самостоятельно.

Работоспособность у Ольги Михайловны, если судить по опубликованным работам, оказалась ещё выше, чем у отца. На её счету почти 900 (!) научных и научно-публицистических работ. И всё-таки между экспедициями, лекциями, конгрессами и административными хлопотами она успела родить dochь. Потом, спустя годы, несколько раз признавалась Дине Борисовне: «Самое главное, что я сделала в жизни, — Любку родила».

Главным предметом исследований Ольги Михайловны был фитопланктон — основа жизни Байкала. Он продуцирует первичное органическое вещество, от которого зависят все другие организмы. Ольга Михайловна выбрала самое важное: если мы будем знать, как себя чувствует фитопланктон, то сможем предсказать, как чувствует себя экосистема в целом.

П.А. Кардашевская, бессменный лаборант, работавшая и с отцом и с дочерью, с грустью вспоминает:

— Она большой учёный и рано ушла из жизни. Характер у Ольги Михайловны был мужской: требовательный и справедливый. К людям относилась хорошо, по-доброму, но не терпела сплетен, резко их пресекала. И работу требовала как с себя, так и с людей. Заседания на кафедре — всё чётко, ясно, быстро, чтобы не засиживаться. И не дай бог кому-то опоздать. Утверждала, что каждый работник кафедры, даже лаборанты, должен быть в курсе всех дел. Только тогда получается команда и настоящий результат коллективной работы.

Прасковья Александровна старше Ольги Михайловны на восемь лет и хорошо помнит её студенткой.

— Вы же знаете, что студенты обычно не очень любят преподавательских, профессорских деток. А её курс любил, потому что она прямолинейная и откровенная. А главное — умная была. Студентов консультировала не хуже преподавателей. И когда директором стала, к ней коллектив с большим уважением относился, как к большому учёному. Даже я, простой человек, много не понимаю, но читаю её статью и соглашаюсь. Она рассудительна. Одну её статью про Байкал несколько раз перечитывала и думала, насколько же она умна... Её уход из жизни люди очень переживали. И до сих пор переживают, хотя времени уже прошло много. Во время перестройки мало кто верил, что институт сможет выжить. Сколько тогда таких институтов закрывалось в России. А наш спасла Ольга Михайловна...

Через год с небольшим после её ухода из жизни я получил официальное приглашение на конференцию, посвящённую «70-летию Коховой Ольги Михайловны, члена-корреспондента АН ВШ РФ, заслуженного деятеля науки РФ, профессора, до последних дней жизни возглавлявшей Научно-исследовательский институт биологии при Иркутском государственном университете».

Года, пожалуй, полтора я не был в рабочем кабинете Ольги Михайловны. Вхожу и останавливаюсь в растерянности. Дыхание перехватило: большой письменный стол, всегда заваленный горами бумаг, папок, книг, из-за которых саму Ольгу Михайловну рассмотреть было непросто, теперь абсолютно свободен и чист. Ни листка бумаги, ни ручки, ни календаря. Пусто. И боль в душе даже более острая, чем год назад, когда вдали от Иркутска дотнело меня сообщение о её кончине. Я пытался написать посмертный очерк об Ольге Михайловне, но не смог. Воспоминания, переживания, накопившиеся в душе, не превращались в слова, не ложились на бездушную бумагу. Об ушедших друзьях писать очень трудно.

Раньше я часто приходил в этот кабинет за советами учёного, знающего Байкал лучше многих, за профессиональными консультациями. А Ольга Михайловна, особенно в последние годы, ответив на вопросы, часами расспрашивала меня об отношении к природе и Байкалу

Характер
у Ольги
Михайловны
был мужской:
требовательный
и справедливый.

Однокурсники
любили её
за
откровенность
и ум.

Университетские династии ALMA MATER

простых людей, об их мыслях и чувствах, о внутреннем мире людей, формирующем современное мировоззрение. Работая над стратегией сохранения биоразнообразия Байкальского региона, она искала пути, искала возможности гармонизации отношений современного человека и природы...

В то время, думаю, я смог бы написать о ней. Такие мысли появлялись, но всё время мешали другие, более спешные и, как казалось в журналистской суете, более важные дела. А Ольга Михайловна всегда была рядом: весёлая, серьёзная, иногда, совсем редко, откровенно рассерженная чьей-то глупостью или научной недобросовестностью, которую она называла предательством. Всегда сильная и никогда — уставшая. Обычно мы встречались ближе к концу рабочего дня, «чтобы никто не помешал», но она могла назначить встречу и в девять вечера, и в половине десятого. Но даже в такое время, после самых напряжённых дней: лекции, совещания, учёный совет — Ольга Михайловна оставалась весёлой и бодрой, как будто только что вернулась из отпуска, как будто рабочий день только начинался. Ей было уже за шестьдесят, но казалось, что она всегда будет рядом и всегда, хоть в полночь, будет готова к деловой встрече. Потому я и не спешил. Поэтому и не успел написать о ней при жизни.

Друзья-коллеги и друзья-ученики собрались на юбилей. Нет только юбиляра. Разумом понимаю, что Ольги Михайловны больше НЕТ! Но не могу избавиться от ощущения, что она вот-вот войдет и тогда нам всем достанется за то, что кто-то убрал со стола нужные книги и документы...

Встреча проходила под эгидой нескольких научных общественных организаций. Предполагалось, что это будет научная конференция и что участники выступят с научными докладами, посвящёнными творческому наследию О.М. Кожовой. Но запланированная официальность «не пошла». Докладчики, произнеся одну-две научные фразы, сбивались на личные чувства. И вот известный профессор вспоминает, с каким трепетом он, будучи начинающим учёным, танцевал с Ольгой Михайловной у костра на берегу Байкала. Другой не менее известный доктор наук рассказывает, как одна из работ Ольги Михайловны «развернула моё мировоззрение и заставила понять суть». Он говорит как будто бы и о науке, использует научные термины, а глаза блестят, и учёный стесняется этого блеска, стесняется смахнуть слезу. Это боль утраты. Личная боль каждого и общая боль всех...

«Научная и общественная деятельность О.М. Кожовой связана с Байкалом и сибирской природой. Продолжая дело своего отца, выдающегося байкаловеда М.М. Кожова, Ольга Михайловна внесла неоценимый вклад в изучение нашего уникального озера и других водоёмов Азии, подняв гидробиологическую науку на новый качественный уро-

О.М. Кожова
продолжила
дело своего
отца.

вень. Обладая удивительной работоспособностью, О.М. Кожова опубликовала около 900 научных работ, включая 20 монографий и два учебника». Это цитата из письма, отправленного ещё в 2001 году, на кануне 70-летнего юбилея Ольги Михайловны в «Восточно-Сибирскую правду» коллективом кафедры гидробиологии и зоологии беспозвоночных Иркутского государственного университета. Той самой кафедры, которую создал её отец, на которой в своё время училась студентка Ольга Кожова, которую потом более десяти лет возглавляла и профессором которой оставалась до конца жизни. А учить студентов она продолжает и сегодня своими научными трудами...

Письмо коллектива кафедры в отличие от устных выступлений на том юбилее выдержано в весьма строгом научном стиле, почти не допускающем эмоциональных всплесков: факты и только факты. Но даже здесь коллеги не удержались от таких эпитетов, как «великолепный организатор», «безусловный лидер», «выдающийся учёный», «прекрасный человек» и так далее. И это всё верно. Коллеги особо подчеркивают, что Ольга Михайловна «щедро делилась знаниями». Хочу добавить, что она любила и умела делать это. Был случай, когда я привёл к ней группу своих студентов-практикантов. Всё не биологов, а своих будущих коллег — журналистов. Лекция, начавшись по окончании рабочего дня, затянулась до девяти вечера. Конечно же, абсолютно бесплатная и совсем не обязательная для директора Института биологии при ИГУ. Просто Ольга Михайловна стремилась дать дополнительные знания каждому, кто их хотел получить. Потому и работала так много...

В письме коллег сказано, что «сотни биологов считают себя её учениками и последователями». И на той встрече меня совсем не удивляло, что учёные предпенсионного возраста называли себя её учениками. Кто-то рассказывал, как, будучи ещё студенткой, она уже учила своих друзей и подруг... учиться. Учила личным примером. Удивительной широтой своих познаний она уже тогда учила однокурсников любить и впитывать знания, расти в них. Наверное, поэтому и официальный, поддающийся учёту результат её жизни, велик. О дипломниках, которыми она руководила, говорить не стану. Их много. Но кроме того, под её руководством было защищено более пяти десятков кандидатских и десять докторских диссертаций, в том числе и по относительно новой дисциплине — экологии.

ВНУЧКА

Теперь Институт биологии при Иркутском госуниверситете возглавляет Любовь Равильевна Измельцева. Та самая Люба, про рождение которой Ольга Михайловна говорила, что это главное дело её жиз-

О.М. Кожова
опубликовала
около 900
научных работ.

Каждое поколение Кожовых поднимало исследования Байкала на новый уровень...

ни. Директором института стала дочь профессора Кожовой, внучка профессора Кожова.

— Они, конечно же, не планировали этого заранее, не распределяли между собой темы научных исследований, научных интересов, — размышляет Б.К. Павлов. — Всё получилось естественно и рационально. Каждое поколение Кожовых, опираясь на знания, полученные предыдущим поколением, поднимало исследования Байкала на новый уровень...

Жизнь (а также познание как часть жизни) состоит из цепочки действий, выполненных в определённой последовательности. Англичане говорят: «Для того, чтобы поджарить яичницу, нужно разбить яйцо». Поменять действия местами невозможно. Так и у Кожовых. Если предельно упростить многогранность научных исследований, свести их к главному, то получается, что Михаил Михайлович изучал видовой состав организмов, населяющих Байкал, или биоразнообразие. Его дочь, Ольга Михайловна, занималась фитопланктоном, производящим первичное органическое вещество. А в область научных интересов Любови Равильевны Изместьевой, внучки родоначальника династии, входят гидробиология, первичная продуктивность водных экосистем, охрана окружающей среды.

— Видите, — говорит Борис Карпович, — это естественная эволюция познания. Дед работал на уровне особи. Дочь продолжила его дело, но уже на уровне популяции, а внучка изучает функционирование водных экосистем в целом, выясняет, как всё это крутится, что с чем связано, кто от чего и от кого зависит. Вроде бы один человек мог всё это сделать. Но одной жизни не хватает.

С 1974 года, по окончании Иркутского университета, Любовь Равильевна работает в Институте биологии. До назначения на должность директора возглавляла лабораторию общей гидробиологии. Число научных публикаций приближается к сотне, но докторскую диссертацию она до сих пор не защитила. А бессменная лаборантка Прасковья Александровна, объясняет это просто.

Любовь Равильевна больше всего ценит время и впустую его не тратит.

— Я тоже вначале удивлялась, что она не защищается. Любовь Равильевна, как все Кожовы, умна, ох как умна! Это ещё в детстве, со школы видно было. Но ей же всегда некогда! Защита диссертации связана с формальностями, с потерей времени на подбор, оформление всяких документов, а Любовь Равильевна больше всего ценит время и впустую его не тратит. Она хочет успеть сделать всё по максимуму. Ценность научной работы зависит не от того, кто её написал, кандидат или доктор, важно содержание работы. А содержание её работ, наверное, очень ценное. Не зря же её бесконечно приглашают выступить с докладами на разные международные конференции и конгрессы...

ALMA MATER Иркутский Классический...

Б.К. Павлов тоже обращает внимание на рост международного авторитета Научно-исследовательского института биологии. Он рассказывает:

— Михаил Михайлович, родоначальник династии, был, как и большинство учёных того времени, практически не выездным. Никуда не денешься, время такое — «железный занавес». Если и были поездки, так по каким-то особым поводам и под присмотром какого-нибудь младшего научного сотрудника с невзрачной внешностью и стальными глазами. Ольге Михайловне в этом отношении было попроще. Она, пожалуй, и институт, и научный коллектив сумела сохранить благодаря различным международным грантам. А Любови Равильевне в этом отношении намного проще. Она выезжала не только на конференции и конгрессы, но и подолгу работала за границей. Два года в экспедициях изучала озеро Ньяса в Малави. После Танганьики это второе рифтовое озеро, экосистема которого больше всего похожа на Байкальскую. В Германии работала на озёрах Южно-Германского альпийского предгорья, на международной биологической станции изучала группу озёр Центральной Европы. А Монголия, Хубсугул — это естественно. Сравнения помогают быстрее, лучше и глубже понять Байкал, выявить законы, по которым эволюционирует уникальная и во многом до сих пор загадочная экосистема. В последние годы она вновь подкинула исследователям несколько пока ещё необъяснимых научных проблем.

Сотрудники института биологии обратили внимание на неспешную и незаметную для неспециалистов перестройку высшего звена экосистемы, продуцирующего первичное органическое вещество, и несколько лет наблюдают за этим. В результате этой перестройки коренные байкальские виды фитопланктона, по определению Б.К. Павлова, «медленно и нудно» замещаются широко распространёнными видами. Они и раньше были в Байкале, но обитали на ограниченных площадях акватории, в мелких заливчиках вдоль восточного берега, в хорошо прогреваемых байкальских сорах. Но в 2003 году одна из диатомовых водорослей, которая в районе биостанции обычно появлялась только в августе, когда Байкал прогревался (её приносило к Большому Котам с Селенгинского мелководья), на этот раз появилась... в феврале подо льдом: «Такую мощную вспышку численности дала, что у нас аж глаза на лоб полезли». Пока остаётся неразрешённой и загадка 1992 года, когда другой вид диатомовых в огромном количестве был обнаружен тоже подо льдом, и главное, в открытом Байкале, хотя обычно она обнаруживалась только летом и на глубинах, не превышающих одного метра. Что «сдвинуло» водоросль — неизвестно. В 2002 году состоялся международный гидрологический съезд, на котором Любовь Равильевна доложила об этих по-

Сравнения
помогают
быстрее, лучше
и глубже понять
Байкал.

ка ещё непонятных и необъяснимых явлениях. Не исключено, что подобные аномалии вызваны техногенным фактором. Но с тем же успехом можно предположить, что они связаны с глобальной перестройкой климата, которая особенно активно происходит как раз в Сибири. В любом случае это только гипотезы, которые необходимо «раскручивать».

Борис Карпович поясняет: «Неспециалисту кажется: какая разница, если один вид крошечных водорослей, которых только учёные под микроскопом видят, заменится другим? Но на Байкале это может привести к глобальному катаклизму. Дело в том, что байкальская эпишуря, на которой «сидят» сотни видов других животных, может питаться только коренными байкальскими видами диатомовых водорослей. Ничего другого она есть просто не может. И численность этой эпишуря, как показывают исследования, хоть и очень медленно, но снижается. Это уже заметно. Если же она исчезнет, начнётся глобальная перестройка всей экосистемы, всех тысяч видов живых организмов и в первую очередь под ударом окажутся, конечно, эндемики. Так что надо «раскручивать». Если причина связана с деятельностью человека, если это последствия техногенного вмешательства в экосистему, нужно срочно принимать меры для спасения озера. Ну а если естественный ход эволюции — наблюдать и изучать».

«Раскручивать» новые загадки предстоит, в первую очередь, коллективу Научно-исследовательского института биологии, которым теперь руководит внучка великого профессора. Любовь Равильевна Измельцева наверняка справится, потому что хоть и носит другую фамилию, но по крови и по характеру остаётся Кожевой.

*Решать новые
задачи
предстоит
коллективу
НИИ биологии.*

М. Рыбак

КАПИТАНЫ НАУЧНЫХ ШИРОТ

В уютной профессорской квартире всё сохраняет отпечаток личности хозяина, на всём лежит след его ещё недавнего присутствия. Спокойной гармонией, тёплым живым колоритом дышат со стен картины — работы самого Олега Владимировича, его отца, подарки известных иркутских художников. В чутких пластичных позах застыли многочисленные статуэтки животных. На протяжении всей жизни их собирали отец, а потом и сын Васильевы — корифеи иркутской математической высшей школы. Нежными доверчивыми глазами смотрят фарфоровые пятнистые олени. Эта трогательная группа олицетворяла для хозяина его семью. Он говорил жене: «Вот это, Галочка, я, это ты, это наша Оленька, а вот и самый маленький — внучек Олеж-